

© 1995 г. Е.А. ГАЛИНСКАЯ

**РЕФЛЕКСЫ ФОНЕМЫ <ѣ> В СМОЛЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
НАЧАЛА XVII в.**

В исторической русистике принято считать, что смоленские говоры пережили довольно раннюю замену фонемы <ѣ> на <е> (см., например [Соболевский 1886: 1–2; Горшкова, Хабургаев 1981: 94; Расторгуев 1960: 54]). Это заключение основывается на данных Смоленской грамоты 1229 г. (список А), где наблюдается беспорядочное взаимное смешение букв *ѣ* – *е* – *ь*. Однако же теперь, когда благодаря исследованиям А.А. Зализняка стало известно, что в бытовых орфографических системах допускалась и была регулярно представлена мена букв *ѣ* – *о* и *ѣ* – *е* – *ь*, за которой не стояло специальное звуковое значение [Зализняк 1986: 100–109], и оказалось, что список А Смоленской грамоты 1229 года выдержан именно в этой системе письма [Зализняк 1986: 104], вывод о том, что уже к XIII в. на месте фонемы <ѣ> в смоленском диалекте последовательно произносился гласный [e], безоговорочно делать нельзя¹. Вот почему имеет смысл рассмотреть написания с буквой *ѣ* и ее заменами в более поздних текстах смоленского происхождения и определить, была ли судьба фонемы <ѣ> столь однозначной.

В российских архивах содержится большое количество памятников деловой письменности конца XVI – первой половины XVII века, составленных в местных канцеляриях и представляющих почти все территории исконного распространения русского языка. Исключение составляют документы Смоленской приказной избы этого периода, которые в силу ряда исторических причин не были сохранены в национальных архивах. Дело в том, что в первой половине XVII в. Смоленская земля попала под польское владычество. Осенью 1609 г. польские войска под предводительством короля Сигизмунда III Вазы осадили Смоленск. Более года продолжалась оборона города, но в июне 1611 г. полякам все же удалось захватить Смоленск, "в котором из 80.000 жителей, бывших там в начале осады, оставалось в живых едва 8000 человек" [Пушкарев 1991: 160]. Лишь в 1654 г. московские войска освободили Смоленск и прилегающие к нему территории.

Таким образом, на протяжении первой половины XVII в. в Смоленской земле состав населения, вероятно, сменялся, а значит, могли перекрещиваться и различные языковые влияния. Именно поэтому интересно было бы восстановить по памятникам местной деловой письменности фонетическую систему смоленских говоров – и, в частности, ситуацию с рефлексамми фонемы <ѣ> – применительно к периоду, предшествовавшему бурным историческим событиям, начало которым положила осада Смоленска.

¹ Правда, еще П.С. Кузнецов осторожно замечал, что смешение *ѣ* и *е* в Смоленской грамоте может и не служить свидетельством совпадения соответствующих звуков. "Предположение о том, что смешение *ѣ* и *е* в некоторых новгородских памятниках, – напоминал он, – является лишь графическим приемом, отражающим близость, но не совпадение *е* и *ѣ*, высказал еще А.А. Шахматов. Это соображение может быть применено и к Смоленской грамоте 1229 г. и к загадочной новгородской берестяной грамоте № 109" [Борковский, Кузнецов 1965: 139].

В 1912 г. в Москве под редакцией и с предисловием известного русского историка и археолога Ю.В. Готье были опубликованы "Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг." [Памятники... 1912] (далее – "Пам. обор. См."). История этой публикации такова. В 1837–1840 гг. профессор Гельсингфорского университета С.В. Соловьев, которому мы обязаны, помимо прочего, открытием знаменитого сочинения Г. Котошихина, во время одной из своих поездок в Швецию обнаружил в замке Ску-Клостер, имени графов Браке, следственные дела города Смоленска начала XVII в. В 1893 г. собрание русских документов, принадлежащее графам Браке, было передано из Ску-Клостера в Стокгольмский государственный архив. В 1897 г. Ю.В. Готье, будучи в Стокгольме, познакомился со Ску-Клостерскими столбцами и составил их краткую опись. По своему содержанию они представляли собой главным образом делопроизводство Смоленской приказной избы с августа 1609 г. по май 1611 г., то есть относились ко времени осады Смоленска Сигизмундом III (здесь же находилось также несколько отрывочных записей, датированных 1605–1608 гг.). Эти документы побывали, судя по всему, в польском плену, а затем были пересланы в Швецию, причем сохранявшееся в Польше, вероятно, вместе, обширное делопроизводство смоленских воевод при перевозке в Швецию попало в разные места. В 1910 г. Ю.В. Готье добился пересылки документов на время в Москву, где вновь пересмотрел и переписал их [Памятники... 1912: V–XVII]. В 1912 г., как было сказано выше, эти документы были опубликованы.

Следует заметить, что издание Ю.В. Готье предназначено не для лингвистов, а для историков – так, в некоторых больших по объему текстах пропущены отдельные части, дословно повторяющие уже приведенные или аналогичные им. Тем не менее изданием этим, выполненным с отменной тщательностью, может пользоваться – ввиду недоступности рукописных источников – и лингвист. По свидетельству публикатора, "письмо сохранилось почти везде отлично, за исключением крайних листков и некоторых других, очень немногочисленных, где чернила выцвели" [Памятники... 1912: VII], что, видимо, облегчило задачу издания документов Смоленской приказной избы. Кроме того, Ю.В. Готье в предисловии подчеркивает: "Орфография подлинников удержана, потому что в некоторых документах замечаются особенности местного говора, могущие представить интерес для специального изучения" [Памятники... 1912: XVI]. В издании не отражено лишь вынесение букв над строкой (но в большинстве случаев это не препятствует лингвистическому изучению) и состав почерков, а также переходы от одного почерка к другому в пределах отдельных документов, а такие переходы, судя по анализу орфографии, в некоторых случаях есть.

Прежде чем интерпретировать написания, которые могут пролить свет на судьбу фонемы ⟨ё⟩ в смоленских говорах начала XVII в., следует решить вопрос об информативности текстов "Пам. обор. См." как отражающих именно смоленский диалект, поскольку сведений о писавших те или иные документы у нас чаще всего нет. От исследования безусловно отводятся тексты, в которых имеются полонизмы (№№ 1, 25, 278), отписки, грамота и донесение смоленских воевод М.Б. Шеина и П.И. Горчакова (№№ 2, 3, 4, 5, 35, 48), отрывок вестей из Москвы (№ 57), отписки архиепископа Сергия (№№ 50, 51), две челобитные монахов и монахинь (№№ 12, 148), а также письмо из осажденного Смоленска в Москву (№ 55), из которого следует, что родители отправителя жили в Москве и он, таким образом, скорее всего, не был урожденным смолянином. Остальные тексты, достаточно разнообразные по содержанию, являющиеся в основном документами Смоленской приказной избы и челобитными крестьян. Последние написаны с достаточно большим количеством отступлений от орфографических норм, обильно отражают диалектные особенности, такие, в частности, как аканье и яканье и, несомненно, фиксируют местный говор. Документы из приказной избы (а их очень много, так как делопроизводство активно велось и во время осады) зачастую написаны писцами довольно грамотными, а иногда и очень грамотными (см., например, тексты №№ 102, 105, 140 и др.), стремившимися

не допускать в свои записи диалектизмов. Тем не менее спорадически и здесь мы находим отражение ярких особенностей, свойственных юго-западным русским говорам. Анализ некоторых орфограмм с большой степенью вероятности указывает именно на западное происхождение писавших. Так, отмечены написания *другую дорожю* 19² (ср. точно такое же написание в тексте № 9 – челобитной крестьян Порецкой волости), *в другерят* 241 (2 ×) (из **въ другиш рядѣ*), а судя по данным Диалектологического атласа русского языка (далее – ДАРЯ), сочетание форм косвенных падежей прилагательных женского рода, которые имеют флексии, начинающиеся на -⟨е⟩, с формой именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода с окончанием -⟨ей⟩ присуще преимущественно только говорам современной Смоленской группы [ДАРЯ 1989: карта 42]. Зафиксировано и следующее написание: *привел дву тых наймитов* 92. В современной лингвогеографии адъективные формы *тый/той–тая–тых* и т.д. включаются в ареал явлений общезападного распространения [Образование... 1970: 90–94, 211]. Кроме того, в исследованных текстах исключительно в огласовке с [и] отмечается корень *дыр-*: *дирю* 145 (7×), *дїрю* 145, *в дирку* 119. По мнению Е.Ф. Карского, образование с [и] произошло от глагола *дѣрати–дирати*. В древнерусских памятниках встречаются как формы с корнем *дыр-*, так и формы с корнем *дир-*: однако старые западнорусские рукописи знают только образование с *и* [Карский 1955: 237]. Имеются также написания *вы Иваишкова места Веселова в визмениячѣ* 227 (II), где отражается, вероятно, предлог *вы*, который, как полагал Л.Л. Васильев, вырабатывался фонетическим путем (из *въ*) перед следующим [и] (равно как и предлоги *кы*, *сы* из *къ*, *съ*) и был характерен именно для смоленских говоров, где имелись сочетания -*ьш-* (*слѣпый*, *мыо*) [Васильев 1907: 252–253]. Если прибавить ко всему этому, что в "Пам. обор. См." явно отражается диссимилативное аканье и яканье жиздринского типа, становится ясным, что совокупность всех перечисленных особенностей позволяет считать подавляющее большинство текстов пригодным для реконструкции именно смоленского диалекта начала XVII в.

При анализе написаний с буквой *ѣ* и ее заменами в слоге под ударением вырисовывается следующая картина. В документах, составленных людьми, до определенной степени грамотными (например, служащими приказной избы), буква *ѣ* в соответствии с этимологическим **ѣ* иногда употребляется практически правильно (см., в частности, тексты №№ 105, 107, 113, 133, 161, 193 и др.), иногда – правильно процентов на пятьдесят, заменяясь в остальных случаях буквой *е*. Для иллюстрации последнего положения можно привести результаты сплошной выборки примеров из двух текстов.

№ 126 ("Дело о взимании посулов на службе")

Правильное употребление *ѣ*: перед твердыми согласными – *лѣта*, *человѣкъ* (Р. мн.), *за... человѣка*, *человѣка*; перед мягкими согласными – *недѣли* (Р. ед.) (3×); в конце слова – *двѣ* (2×), *к себѣ*, *всѣ* (И. мн.).

Замена *ѣ* на *е*: перед твердыми согласными – *с тех*; перед мягкими согласными – *деи* (4×), *деи* (6×), *недели* (Р. ед.); в конце слова – *де* (2×), *по две* (2×), *на стене*, *где*.

Замена *е* на *ѣ*: *во всѣм*, *про всѣ* (В. ед. ср. р.).

№ 151 ("Дело о покраже зипуна")

Правильное употребление *ѣ*: перед твердыми согласными – *не вѣдают*, *лѣта*, *человѣка*, *у... человѣка* (2×), *человѣкъ*; перед мягкими согласными – *недѣль* (Р. мн.).

Замена *ѣ* на *е*: перед твердыми согласными – *бел*, *бегаючи*, *с тем*; перед мягкими согласными – *велели*, *деи* (15×), *женскую*³, *в понедельник*.

² Здесь и далее числами обозначаются номера текстов, из которых извлечены приводимые написания.

³ Будем условно считать, что [н'] в позиции перед суффиксом -*ьск* еще не отвердел, тем более, что такое произношение и сейчас распространено в западной части смоленских говоров [ДАРЯ 1986: карта 78].

В челобитных крестьян, написанных, как было сказано выше, без особого соблюдения орфографических норм, ситуация иная. Здесь *ѣ* употребляется правильно буквально в единичных случаях при массовой замене буквой *е* и обратных случаях замены *е* на *ѣ*. Приведем, к примеру, данные текста № 7 ("Челобитная крестьян Порецкой волости о льготах по уплате податей").

Правильное употребление *ѣ*: бѣдных.

Замена *ѣ* на *е*: перед твердыми согласными – *белых, белого, бедным* (3х), *бедных* (2х), *деланых, неделаных, на лесы, меру, Порецкое волости, хлеба* (2х), *на тех, на тех же, от тех, с тех жя*; перед мягкими согласными – *дети, сеят(ь), за реки* (В. мн.).

Замена *е* на *ѣ*: *воѣванья, воѣвоннымъ*.

Аналогичную картину представляет текст № 8, состоящий из трех челобитных ("Челобитные крестьян Порецкой волости об обороне от изменников, крестьян Щучейской волости Ивана Лисуна с товарищи").

Правильное употребление *ѣ*: дѣялося.

Замена *ѣ* на *е*: перед твердыми согласными – *бедных* (3х), *бедным* (2х), *белого, девку, деланых, неделаных, изменники, изменников* (3х), *мелкую* (2х), *Порецкую волость, Порецкой волости* (3х), *хлеб* (2х), *с хлебом, на тех* (3х); перед мягкими согласными – *двесте⁴, деялося* (2х), *на... недели* (2х), *Мотвеяв, Ондrejaвы, Тимоѣева* (В. ед.)⁵; в конце слова – *те* (2х).

Замена *е* на *ѣ*: *ѣсть* (3 л. ед. ч. наст. вр. от глагола "быти"), *трицать сѣмъ*.

То же соотношение примеров с исторически правильным и неправильным употреблением буквы *ѣ* находим и в тексте № 34 ("Челобитная крестьян Щучейской волости об обороне").

Правильное употребление *ѣ*: под Бѣлую.

Замена *ѣ* на *е*: перед твердыми согласными – *бедным* (2х), *не ведаем* (2х), *верават(ь)* (2х), *к... делу, к засекам, засек* (Р. мн.), *для крепости, во... места* (= вместо), *победные, свет*; перед мягкими согласными – *засеки, теми, Алексеявичу, Олексеявич*; в конце слова – *сабе*.

И в других челобитных ситуация с буквами *ѣ* и *е* примерно такая же. Очевидно, что в начале XVII в. произношение [е] на месте *ѣ в смоленских говорах уже имелось. Однако замена ⟨ѣ⟩ на ⟨е⟩ не была, по-видимому, стопроцентной, так как в исследуемых текстах представлены написания еще двух типов, которые свидетельствуют о том, что судьба фонемы ⟨ѣ⟩ в смоленском диалекте была неоднозначной.

Во-первых, в некоторых случаях представлены орфограммы, где на месте этимологического *ѣ находим букву *и*:

Позиция перед твердыми согласными: *дівка* 241 (при неоднократном *дѣвка, девка* ib.), *два чоловіка* 241 (при неоднократном *человѣк* ib.), *в его миста головы* 141, *Хринов* (фамилия) 141.

Позиция перед мягкими согласными: *истъ* (3 л. ед. ч. наст. вр.)⁶ 242, *місеца* (Р. ед.)

⁴ Впрочем, есть говоры, в которых первый согласный в двойных сочетаниях зубных согласных не получает ассимилятивного смягчения [Пауфошима 1973].

⁵ О звуке [ѣ] в именах Кирѣи, Пелагѣя, Тимофѣй см. у С.И. Коткова: "В собственных именах такого рода, как показывают их греческие источники, *ѣ* не всегда фонетически мотивировано с точки зрения истории языка. Например, *ѣ* в греч. Τιμόθεος не предполагает *ѣ* в *Тимофѣевъ*. В некоторых именах данной категории *ѣ* явилось в результате их обобщения с теми, в которых оно закономерно, при этом нельзя быть уверенным, что в этих именах оно обозначало особое, отличное от *е* произношение, а не просто факт орфографии" [Котков 1963: 41].

⁶ Видимо, перед нами форма [ис(ʰ)тʰ] с [тʰ] мягким, широко распространенным в 3-м лице наст. вр. глаголов в смоленских говорах [ДАРЯ 1989: карта 79]. Можно предположить, что в рукописном источнике стоял нейтральный знак, который мог реализовать в скорописи графемы /ъ / и /ь /, и он был передан в издании как *ъ*.

137, Кириева (Р. ед.) 16, у... Кириева 16, Мосіев сын 250, Сергиев 13, Сергіев 250, Тимоѡіив сынъ 159⁷.

Кроме того, отмечены написания: *дозрит(ь)* 67, *дозрил* 45, *смотриль* 103, *смотрив* 226, *пересмотрити* 103, но появление здесь звука [и] может быть объяснено не только фонетически, но и морфологически – аналогией с глаголами, имеющими инфинитивную основу на -и.

П.А. Расторгуев, изучивший рукописные и печатные материалы с записями смоленского диалекта XIX – начала XX в. и сам проводивший в 1929–1931 гг. полевые наблюдения над говорами многих населенных пунктов на территории Смоленщины, приходит к выводу о том, что [ѣ] тут совпал с [е]. "Следы старого ѣ, – пишет П.А. Расторгуев, – имеются иногда в положении его в начале слова под ударением в словах *есть* (в значении 'кушать') и *ехать*, здесь имеем и: *цист'* *цихът'* причем слово *цист'* чаще встречается, чем слово *цихът'*" [Расторгуев 1960: 55]. Форма *истъ*, как видим, отмечена и в исследуемых текстах. Наличие такой огласовки фиксирует также Е.Ф. Карский: *ись* ("ест") (Ржев) [Карский 1955: 214]. По его наблюдениям, употребление [и] на месте ударного ⟨ѣ⟩ распространено в белорусских говорах на южных и северных окраинах (напомним, что к белорусским говорам он причисляет и те, которые по современной номенклатуре считаются русскими смоленскими – см. "Этнографическую карту белорусского племени" в [Карский 1903]), причем Е.Ф. Карский полагает, что на юге такое произношение – результат украинского влияния, а на севере – новгородского говора [Карский 1955: 214]. Есть случаи написания *и* вместо *ѣ* в слове под ударением (и обратные замены) и в "Летописи Авраамки" XV в., писец которой предположительно был выходцем из Смоленска. Е.Ф. Карский считает, что они появляются в качестве заимствований из севернорусского или юго-западного оригинала [Карский 1955: 216]. "Пам. обор. См." оригиналов, естественно, не имели, поэтому следует предположить, что здесь за меной букв ѣ и и стоит живое произношение. Видимо, в начале XVII века [и] звучало на месте ⟨ѣ⟩ в некоторых словах не только на севере и юге территории, определяемой Е.Ф. Карским как белорусская, но и на востоке ее – в собственно смоленских говорах. Судя по картам ДАРЯ, в единичных случаях произношение [и] и даже более архаичных вариантов – [ѣ], [иѣ] встречается в разрозненных населенных пунктах смоленской группы говоров и сейчас [ДАРЯ 1986: карты 40, 41]. Скорее всего, с тем, что [ѣ] в некоторых случаях давал рефлекс [и], связано и наличие в изучаемых текстах случаев мены букв *е*–*и* в ударных слогах: *за недожевку* (за то, что недожила положенный срок у хозяина) 226, *по стишкам* (ср. контекст: *по дорогам и по стишкам сторожи поставил*) 11⁸, *Ловринтеяв сын* 227 (I), у *Родки Словинскаго* 242 (ср. *Словенской* 227 (IV), у *Илейки Словенскаго* 242). О том, что [е] вместо [и] встречается в говорах бывшей Смоленской губернии (Бельский уезд), писал Е.Ф. Карский [Карский 1955: 226]. Есть небольшой диалектный "островок" возле Рослава, где фиксируется произношение [и] на месте [ѣ] и сейчас [ДАРЯ 1986: карта 41].

В "Пам. обор. См.", однако, помимо замены ѣ на и встречен еще один тип написаний – с нетривиальной для восточнославянской письменности заменой в ударном слоге ѣ на я: *мы не вядаем* 20, *вясчее* 86, 146 (= *вѣсчее*, т.е. "пошлина, побор с определенного веса товара, плата за взвешивание" [СлРЯ XI–XVII вв.: 120]). Сюда же, вероятно, относится фамилия Облязов: *Облязов* 62, 92, 159 (7х), 241, 247 (3х), 249 (2х), 253 (4х), 256 (4х), 265 (3х), *Облязова* (Р. ед.) 191, 253, *Облязову* 232, *Аблязов* 141

⁷ Впрочем, написания с *и* в заимствованных именах собственных такого рода не слишком показательны.

⁸ *Стишка* < *стежка* (с непереходом [е] в [о]) < *стыжка*. Ударение в данной форме должно было падать именно на корень, так как суффикс -ѣк- был самоударным, но ударение со слабого редуцированного обычно сдвигалось на слог влево [Зализняк 1985: 146–147].

и даже *Облазов* 209 (наряду с *Облезов* 241 (2х)⁹. Происхождение носителей этой фамилии устанавливается по контексту вполне надежно. Все они из Дорогобужа, на что есть прямое указание в текстах № 232, 241, 247, 249, 256, 265. Возможно, в эту же группу написаний входит и фамилия Изъялов: *Из(ъ)ялов* 256, *Из(ъ)ялав* 241.

Прежде, чем интерпретировать данные орфограммы, следует определить, не являются ли соответствующие формы полонизмами. Но, во-первых, не все из употребленных тут корней с [ʼa] из *ѣ имеют огласовку с [a] в польском языке (только *wiado* ("известно") при *wiedzieć, wiem* и, если учитывать фамилию Изъялов – *jadł* (прош. вр. от *jeść*), а во-вторых, полонизмов в основном корпусе текстов "Пам. обор. См." не отмечено. Те же тексты, где они есть, от анализа, как было сказано выше, отведены. Таким образом, обсуждаемые написания нужно объяснять по-другому. По-видимому, в раннепраславянский период ⟨ѣ⟩ звучал на всей славянской территории как [ä], а лишь позднее – после монофтонгизации дифтонгов – в некоторых славянских областях (в том числе у предков нынешних восточных славян) изменилось место образования фонемы ⟨ѣ⟩ и она стала произноситься как [ê] (или [иê]) (см. об этом подробнее [Галинская 1993]). До сих пор в славянских языках, в которых нормально представлены рефлексy *ѣ, возводящиеся к звуку средневерхнего подъема, сохраняются реликтовые случаи произношения звуков, явно восходящих к *ѣ как широкому открытому гласному нижнего подъема, например, укр. диал. [м'ад', манáѣ], рус. диал. *цап* (тульск., орл.), *медвѣдь* (влад.), [л'ѣас, к т'иб'ѣа, с'иб'ѣа, н'ѣат] (влад.), *прѣсной* (волог.), *цáдит* (тихв.), *цѣлой* (арханг.), *тѣстице* (олон.)¹⁰, а также *кѣп* "цеп" (псков.), *ѣла* (псков.), *рѣпа* (онеж.)¹¹.

На наш взгляд, и встреченные в "Пам. обор. См." написания *не вѣдаѣм, вѣсчѣе* (2х), *Облязов, Аблязов* и др. также могут отражать реликтовое архаическое произношение *ѣ как [ä] на территории смоленских говоров¹². Современный же повсеместно распространенный здесь рефлекс "ятя" [е], судя по отдельным случаям произношения [ê], [иê] и [и] на месте *ѣ в нынешнее время и по свидетельствам текстов начала XVII в., представляющих спорадическую замену буквы ѣ на и, восходит к новому для некоторой части праславянского диалектного континуума произношению "ятя" как напряженного звука средневерхнего подъема.

Таким образом, к тем русским говорам, где ранее были отмечены единичные случаи произношения [ʼa] на месте *ѣ (тульским, орловским, владимирским, архангельским, олонекским, онежским, ладого-тихвинским, псковским – см. примеры, приведенные выше), прибавляется, вероятно, и смоленский диалект, по меньшей мере, в том его состоянии, которое восстанавливается для начала XVII века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
Васильев Л.Л. 1907 – К характеристике сильно акающих говоров // РФВ. 1907. Т. LVIII, № 3–4.
Галинская Е.А. 1993 – О хронологии некоторых изменений в системе вокализма праславянского языка // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г.А. Хабургаева. М., 1993.
Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1981 – Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

⁹ Ср. упоминание о Федоре Облязове и в документе конца XVII в. – "Памяти Разрядного приказа о поместных окладах Федора Облязова и его сына по Дорогобужу и Ярославлю" (РГАДА, ф. 1209, оп. 78, № 791).

¹⁰ Полный список примеров, в том числе из других славянских языков, с указанием на источники см. в [Галинская 1993: 39–40].

¹¹ Последние три примера взяты из статьи С.Л. Николаева [Николаев 1994: 31].

¹² Конечно, эти орфограммы малочисленны, но трудно ожидать, чтобы их было существенно больше – ведь и в современных восточнославянских диалектах случаи произношения гласных нижнего подъема в соответствии с *ѣ на фоне регулярной рефлексации *ѣ в звуках, располагающихся на шкале [e]–[i], единичны.

- ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ 1989 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк А.А. 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопки 1977–1983 годов. М., 1986.
- Карский Е.Ф. 1903 – Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903.
- Карский Е.Ф. 1955 – Белорусы: Язык белорусского народа. Вып. I: Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955.
- Котков С.И. 1963 – Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.
- Николаев С.Л. 1994 – Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3.
- Образование... 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970.
- Памятники... 1912 – Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. Ю.В. Готье. М., 1912.
- Пауфошима Р.Ф. 1973 – О распределении мягкости в двойных сочетаниях согласных в некоторых окающих русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Пушкарев С.Г. 1991 – Обзор русской истории. М., 1991.
- Расторгуев П.А. 1960 – Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 2. М., 1975.
- Соболевский А.И. 1886 – Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // РФВ. 1886. Т. XV. № 1.